

Роч, старейшина и шаман, сидел на береговом уступе Эмдерского яра, строгая весло для обласка. С высокого левобережья открывалось обширнейшее заболоченное пространство с вкраплениями луговых и соровых мест, с путаной сетью мелких протоков. К внутренним водотокам прислонились там и сям невысокие гривки густого лиственного мелколесья, шевелящиеся зелёные островки казались порой, в особенности, когда дул волнующий листву ветер, живыми существами, восставшими из бурых болотных пучин подышать надземной свежестью, погреться в тепле солнечного дня.



Мерность движений

настраивала на размышления. Они текли от настоящего к прошлому, от человеческого к дочеловеческому. Рач знал знанием предков, что сто веков назад на Земле был Великий Потоп.

Нынешние реки, озера, болота - след того давнего водного буйства. После потопа Нуми-Торум, главный остяцкий Бог, установил такой порядок: семь веков властвуют северный и южный ветры, шесть веков - западный и восточный, последние пять веков дуют попеременно ветры четырех сторон. Потом всё повторяется.

Сейчас в земном мире живут четыре ветра, но их время на исходе. Вот-вот вернётся власть северного и южного ветров, а вместе с ними придут жестокие зимние холода и изнурительная летняя жара. Всё вновь повторится...

Кто-то подошёл, стал рядом. Подняв глаза, увидел перед собою жену Ньюляка.

- Зачем пришла, женщина?

- Тебе, Рач, открыто невидимое и неслышимое. Узнай у нижних духов, зачем лишили Ньюляка ручной силы, ножной силы. Какую плату хотят за душу?

Недуг поразил Ньюляка весной, после того, как, напорвшись на корягу, провёл ночь в ледяной озерной воде, держась за перевернутый обласок. Вначале болезнь временами отпускала, но промысловая удача покинула его. В лес пойдёт - зверь убегает, птица улетает; сеть поставит - рыба её боится, стороной обходит. Потом руки и ноги совсем отказались повиноваться ему.

"Слушай меня, женщина, - резко повернулся к просительнице Рач. - Духи Нижнего мира уже назвали мне причину болезни Нюляка. Строя дом, он без нужды, вопреки воле хозяев леса, валил многие живые деревья, зная, что у них есть сочащиеся жилы - вэллэм. Если их перережешь, дереву больно, оно кричит.

Найдя бобровое жилище, он убил всех его обитателей, хотя из каждого бобрового дома надлежит отпускать одного самца и одну самку, иначе переведётся на Земле славный бобровый род.

Он разорил гнедо бурундука, забрав весь зимний запас, и бурундук убил себя, защемив шею меж веток кедра.

Без меры и разума крючил осетровую молодь и, если упускал добычу, то в досаде и гневе изрыгал из хулящих уст нечистую слюну, осквернял священные воды великой Оби.

Он рассердил духов трёх миров. Через три дня он умрёт, и никто не в силах удержать душу в его теле..." Через три дня горесные вопли жены Нюляка возвестили жителям селения, что живое дыхание покинуло брненное тело её супруга.

Нюляк лежал на том месте, где умер, облаченный в смертную одежду. Обряжая его, старики повредили платье, обрезали носы обуви. Правый сапог обули на левую ногу, левый - на правую. Иначе страна мёртвых, Патлам, не примет его тень, потому что мир мёртвых - зеркальное отражение мира живых. Все одежные и обувные завязки завязали мёртвым узлом. Лицо прикрыли лоскутом оленьей шкуры, мехом вниз, пришили к ней на место глаз, носа, рта и ушей медные бляхи. Покойник не должен видеть, слышать и обонять окружающее: земной мир уже не его мир.

Рач привычно отыскал едва видимую в полусумерках тень Нюляка. Она недвижно висела над телом на высоте семи пядей, в той же позе, что мертвец. Бросил взгляд на вдову Нюляка, мастеровившую заместительное тело покойника из ношеной им в живой жизни меховой и тканой одежды. Как только кукла явит собою человеческое подобие, тень войдет в неё, как в дом, и будет жить там, то уходя, то возвращаясь, пока окончательно не переселиться в Нижний Мир.

Люди входили, молча рассаживались близ смертного ложа. Время от времени кто-нибудь из стариков клал в стоящие у головы покойника берестяные сосуды ягоды, мясо, от которых каждый из сидящих и стоящих брал себе малую толику. Случайно оказавшиеся здесь два пожилых мужчины из рода Кедровки изготовляли снаружи, недалеко от входа гробовище: обрубали нос и корму малого обласка, закрепили в обрубах две широкие доски. Закончив, внесли гробовую колыбель в жилище, осторожно положили в неё мертвеца.

Бдение около покойника длилось нею ночь. Чтоб не скучал, по очереди сказывали сказки: о сотворении мира, о происхождении людей, пришествии на остяцкую землю светлых богатырских родов. Утром Рач укрепил над гробом длинный шест. За край его взялся один из мужчин. Сородич стали спрашивать Нюляка, по какой причине утратил

душу.

- Не давал ли ложную клятву?

Держащий жердь попытался приподнять гроб, но тот даже не пошевелился.

- Не трогал ли на поселении мёртвых принадлежащих покойникам вещей?

Гроб по-прежнему был недвижим.

- Может, твою душу украл кто-нибудь из чужеродных шаманов из личной нелюбви или по наущению врагов?

Гроб не удалось приподнять даже на полвершка: он будто прирос к нарам.

- Не ходил ли ты в заповедные урманские места, убивая без нужды добычу, когда пушной зверь щенился там для продолжения своего рода?

Держащий шест ощутил исчезновение тяжести и легко приподнял гроб. Люди убедились, что нижние духи не обманули Рача: причиной смерти Нюляка было нарушение им священных законов тайги.

Человеку при рождении боги дают две главные жизненные силы: душу-тень и душу-дыхание. После смерти душа-тень (илт) уходит в тёмную страну Патлам, находящуюся в Нижнем Мире. Душа-дыхание (лил) при жизни человека таится на голове в волосах, после смерти же улетает птичкой на небо, где живёт до тех пор, пока не придёт время вселиться в рождённого на земле младенца.

Человек жив, пока душа-тень и душа-дыхание (иначе душа-птица) живут в мире. Как только он нарушится, приходит болезнь. Если шаман не сумеет восстановить согласие, они расходятся в разные стороны и наступает смерть, ибо душа-тень сама по себе обязана жить в Нижнем Мире, а душа-птица по оставлении тела должна переселиться на небо. Спустя время, в урочный час божественная Пугос, супруга Нуми-Торума, вновь сводит их, и тогда на земле рождается человек.

Мужчины протолкули гроб с покойником ногами вперед через заднюю стену, где перед этим выставили два срединных бревна. Сопровождаемые женским плачем и причитаниями, принесли на берег Эмдерской протоки к лодкам. Прежде чем присоединиться к ушедшим, Рач со словами «дыру закрываю» окропил стеной проём свежей утиной кровью.

В доме осталось изображение Нюляка - новое вместилище тени на случай, если ей захочется придти домой, чтоб повидать родных. Все это время рукотворному телу предстояло замещать умершего: днём сидеть на почётном месте, вкушая поставленные перед ним кушанья, ночью - разделять ложе с супругою.

Смерть человека на земле есть его рождение в стране мёртвых, но не в младенческом состоянии, а в том возрасте, в каком завершилась земная жизнь. Достигнув Нижнего Мира, тень становится живою: земной мир начинает мыслиться ею как мир теней.

Далее начинается обратная жизнь, так как время там течёт не от прошлого к будущему, а от будущего к прошлому. Тень всё более молодеет: старец постепенно превращается в зрелого мужа, - тот в молодого человека, потом наступает юношеский возраст, юноша становится отроком, младенцем. Тень продолжает уменьшаться и, наконец, исчезает. В тот же миг на земле, чаще всего в семье или в роде умершего, рождается младенец. Небесная Пугос тотчас посылает ему ждущую своей очереди лил - душу-дыхание.

Но чтобы всё было так, как сказано, живущим на земле людям при проходах умерших сородичей надо строго соблюдать завещанные предками правила. Малейшее отступление от них - помещение покойника ногами не в ту сторону, нечеткость напутственной речи, разъясняющей приметы дороги мёртвых, равно как и другие нарушения, чреватые сбоями на пути к возрождению.

Это мешает тени закрепиться в стране мёртвых, а то и вовсе не даёт возможности попасть туда. Тогда она бродит неприкаянным мытарем по земле, тоскует, беспокоит живых сородичей, озлобляется и может нанести вред. Но самое главное - нарушается жизненный круговорот, что неизбежно влечет за собою сокращение и даже вымирание рода.

В остяцкой земле встречались колдуны, способные оживить умершего. Однако они брались за это только в том случае, если считали, что человек умер раньше положенного срока. Колдун гасил огонь, ложился рядом с мертвецом, натягивал на себя край его смертного одеяла. Все остальные покидали помещение на три дня и три ночи: время, достаточное, чтобы дойти до нижнего низа, исполнить там все необходимые дела и вернуться обратно.

Достигнув Преисподней, колдун просил Кынь-лунга, хозяина Нижнего Мира, вернуть душу умершего, поскольку жизнь его окончилась раньше установленного предела. Кынь-лунг самолично расследовал спорное дело, и, если убеждался, что истец прав, мёртвый человек оживал. Начиная разговаривать, сначала невнятно, потом более связно. Постепенно обретал полную жизненную силу. В конце третьего дня колдун вставал вместе с ожившим покойником, и оба выходили из жилища к ожидающим родственникам.

Рач относился к такому колдовству неодобрительно, считая оживление сродни убийству. Лишь верхние боги вправе вмешиваться в человеческую судьбу, так как никому из землян не дано понять истинной разницы между живыми и мёртвыми, между рождением и смертью.

Гроб поставили в малую лодку, привязанную к корме большой. Последнюю заняли Рач

и двое из рода Кедровки. Остальные сели в другие лады. Женщины остались на берегу. У остяков мужчины погребали мужчин. Дети вовсе не допускались к умершим, потому что больше взрослых подвержены злокозненным действиям тени, не желающей расставаться с земными привязанностями и всегда стремящейся увести в Патлам кого-нибудь из живых. Кладбище располагалось на другой стороне Эмдерской протоки, ниже по течению. В пойме возвышался чукас - материковый останец. На его плоской вершине род Медведя издавна хоронил своих покойников...

Доведя глубину до двух локтей, копальщики выбрались на поверхность, подвинули гроб к краю могилы.

- Ешь и пей с нами, - сказал Рач, ставя у головы мертвеца блюдо с едой и чашу с питьём.

Ели и пили. Славили Нюляка как храброго охотника, меткого стрелка, удачливого рыболова, умелого изготовителя обласков и луков. Никто не сказал ни слова о плохих поступках покойника, о нарушении им заповедей богов и обычаев предков. Насытившись, опустили гроб в могилу - ногами на север, чтоб тень, восстав, оказалась лицом к Патламу.

- Теперь ты умер, - напутствовал усопшего Рач. - Телу твоему суждено гнить в земле. Тень же уйдёт тропую мёртвых. Её путь на полночь, наш путь на полдень. Пусть следует своей дорогой, не нашей.

Засыпав яму, удавили собаку Нюляка. Поставили на свежей могильной засыпи малый тонкобрёвный сруб, накрыли легкой двускатной крышей, одели сверху берестяным полотном. Прислонили к погребальному домику весло, лук со стрелами, воткнули рядом рогатину, прикопали круглодонную глиняную посудину с дорожной снедью. Но сначала Рач предал все это смерти: сломал лопасть весла, порвал тетиву лука, обрубил древки стрел, черен рогатины, отколол край сосуда. Перевернул вверх дном лодку, в которой привезли гроб Нюляка, продырявил в двух местах. Поклонившись могиле, люди двинулись к ладьям.

Уже спустившись с чукаса. Рач наклонился, поднял сломанную ветром зеленолистую ветвь. Вернулся, придав древесной плоти с помощью ножа подобие птички. Укрепил на коньке погребального домика, чтобы душа-дыхание, носительница наследования жизни, отдохнув в ней, поднялась птахой в сторону неба. Рач не верил, что лил Нюляка, отягощенная неправыми делами в силах достичь небесной златоветвной берёзы и одушевить потом новое тело, рожденное земной женщиной. Но будучи шаманом, понимающим неотвратимость греховного искуса, и старейшиной, обречённым любить ближних, не мог отказать несчастному в надежде на возрождение.

Тень Нюляка - илт плыла в могильном обласе вниз по течению, на полночь. Срок её земного пребывания истек. Сначала держалась близ тела, но по мере того, как то подвергалось разрушительному тлению, всё более отделялась от него.

Оторвавшись от тела, тень-илт всё лето ютилась на кладбище и окрест его. С охотой

посещала селение и дом, где прежде жил Нюляк. По приходе укрывалась в кукольном подобии умершего, наблюдала за близкими, слушала их разговоры, узнавала новости. Потом стало одолевать тоскливое разочарование.

Домашние жили живой жизнью, избегали говорить о мёртвых, боялись болезни и смерти, неустанно ограждали себя от соприкосновения с тёмными силами. При всём внимании к заместительному двойнику, никто из родичей не испытывал любви к нему, а лишь почтительный страх.

Вначале пар и запах, исходящие от горячей пищи, доставляли сытость и удовлетворение, затем стали раздражать, особенно после того, как вдова Нюляка, обременённая домашними делами, стала опаздывать с жертвенным кормлением, ставя перед идолом, вмещающим илт её мужа, холодную остывшую еду.

Могильная лодка неслась вниз по течению, опережая волну. Миновав эмдерское устье, полетела, едва касаясь воды, к ближнему обскому плесу. Застыла у прибрежной косы. Переступив борт, тень пошла песчаной рябью, не оставляя следов. Над краем болота висело низкое серое облако, непрерывно меняющее очертания. С приближением души Нюляка обрело вид человекоподобного призрака.

- Я Патлам-аи-лунг - Младший Дух Тёмной Стороны, призванный опекать тени людей, лишенных права на возрождение. Я провожу тебя в мир могильных душ. Но прежде спроси о том, чего не знаешь.

- *Долог ли путь вглубь Преисподней?*

- Для идущего в страну теней нет разницы между мигом и вечностью. Я выведу тебя на тропу, соединяющую миры, и ты пойдешь вдоль пределов трёх пространств, по пограничью прошлого и будущего.

- *Встречу ли я кого-нибудь на своём пути лицом к лицу?*

- На тропе мёртвых не бывает встречных. Все идут в одном направлении с замкнутыми устами, не оглядываясь назад.

- *Пересекается ли путь мёртвых с путём живых?*

- Живые не ходят этой дорогой, а если на перепутье измерений нечаянно ступят на неё, то, в зависимости от расположения звёзд и состояния души, им бывают видения: или обитателей иных миров - богов и демонов, или выходцев из земного прошлого - менквов, или пришельцев из земного будущего - мис. Теперь протяни руки вдоль тела и закрой глаза.

Тень исполнила веление призрака и увидела себя в ладье, подплывающей к незнакомой пристани...

Михаил КОСАРЕВ, доктор исторических наук.